

ТИХООКЕАНСКИЙ БЕРЕГ ПАВЛА ВАСИЛЬЕВА

Маликова Светлана Борисовна,
*главный методист сектора
научно-методической работы
Научной библиотеки ДВФУ,
г. Владивосток*

*«Я вглядываюсь в мир без страха,
Недаром в нём растут цветы.
Готовое пойти на плаху,
О кости чёрствые с размаху
Бьёт сердце - пленник темноты».*

Павел Васильев родился 23 декабря 1909 г. (5 января 1910 г.) в казахстанском Зайсане, в семье учителя математики, но вскоре вместе с семьёй переехал в соседний Павлодар, где прошло его детство. По окончании школы, в июне 1926 года он уехал во Владивосток и несколько месяцев проучился в Дальневосточном университете, где состоялось также его первое публичное поэтическое выступление.

В августе 1928 года П. Васильев и Н. Титов отправились в странствие по Сибири и Дальнему Востоку. Работали культмассовиками, охотниками, матросами, старателями на золотых приисках на Селемдже, о чём Васильев рассказал в книгах очерков «В золотой разведке» (1930) и «Люди в тайге» (1931). Эти книги увидели свет уже в Москве, куда Васильев переехал в 1928 году и поступил в Высший литературно-художественный институт им. В. Я. Брюсова.

В 1930-1932 гг. стихи Васильева печатались в «Известиях», «Литературной газете», «Новом мире», «Красной нови», «Земле советской», «Пролетарском авангарде», «Женском журнале», «Огоньке» и других периодических изданиях.

В 1933 году в журнале «Новый мир» появилась поэма «Соляной бунт», в 1934 – поэма «Синицын и Ко», продолжающие тему сибирского казачества. Откликаясь на коллективизацию в сибирской деревне, Васильев написал поэму «Кулаки» (напечатана в 1936).

Весной 1932 года поэт по обвинению в принадлежности к контрреволюционной группировке литераторов был арестован вместе с Н. Ановым, Е. Забелиным, С. Марковым, Л. Мартыновым и Л. Черноморцевым – дело так называемой «Сибирской бригады». Он был приговорён к высылке в Северный край на три года, однако освобождён условно.

В январе 1935 года Васильев исключён из Союза писателей, в июле арестован и осуждён за «злостное хулиганство»; срок отбывал в Рязанской тюрьме. Освобождён весной 1936 года.

В феврале 1937 года Васильев арестован в третий раз, 15 июля приговорён Военной коллегией Верховного суда СССР к расстрелу по обвинению в принадлежности к «террористической группе», якобы готовившей покушение на Сталина. Расстрелян в Лефортовской тюрьме 16 июля 1937 года.

Он прожил 27 лет «на золотой, на яростной, на прекрасной земле». 14 поэм и более 200 стихотворений – таков итог

ИМЕНА И ДАТЫ

десятилетнего творчества поэта Павла Васильева. Целых 20 лет даже упоминать имя этого поэта было очень опасно. После реабилитации, в 1957 году вышел в свет первый посмертный сборник стихов. В этом большая заслуга его вдовы (второй жены) – Елены Александровны Вяловой, которая сама провела 19 лет в лагерях и на поселении. Её вина была в том, что она «жена врага народа». Вернувшись в Москву, она буквально по крупицам собирала его произведения и издала сборник. Но до сих пор ещё, несмотря на то, что поэзия Васильева оказала заметное влияние на многих поэтов в нашей стране, представление о масштабах этого гения в общественном сознании России еще незначительно.

В сентябре 2018 года Закия Саясатовна Мерц, директор музея имени Павла Васильева (г. Павлодар, Республика Казахстан) провела публичные встречи с владивостокцами и рассказала им о творчестве и трагической судьбе выдающегося поэта XX века. В этих событиях приняли участие сотрудники и активисты Общества изучения Амурского края, представители творческих объединений и студий «Паруса», «Ипокрена» и др. Перед началом одного из заключительных таких мероприятий мне удалось побеседовать не только с самой Закией Саясатовной, но и с организаторами её визита в Приморье.

З. С. Мерц - директор музея им. Павла Васильева, г. Павлодар

За импровизированным круглым столом собрались: Юрий Николаевич Кабанков – учёный, писатель, поэт, теолог; Эльвира Васильевна Кочеткова, председатель студии «Паруса» ПКО РГО – ОИАК; Светлана Борисовна Маликова – редактор-составитель альманаха НБ ДВФУ «Власть книги», Людмила Ивановна Мартеньянова, преподаватель литературы Приморского краевого

художественного колледжа, а также писатель и поэт, заслуженный работник культуры РФ Владимир Михайлович Тыцких.

За Круглым столом во Владивостоке: З. С. Мерц, Ю. Н. Кабанков, Э. В. Кочеткова, С. Б. Маликова, В. М. Тыцких

Фантастическая поездка

- *Что привело Вас во Владивосток?*

Закия Мерц: Павел Васильев. Вторую неделю я уже нахожусь во Владивостоке, и на многих встречах я говорила, что, наверное, это было моей детской мечтой. Все мы читали книги о партизанах, Приморье, и мне очень хотелось побывать в этих местах, но, честно сказать, никогда не думала, что сюда попаду. Потом в силу возраста и других забот эти детские стремления как-то забылись, и казалось, что другие дела – гораздо важнее. Но вот судьба привела меня в дом-музей Павла Васильева, где я и работаю теперь директором, и уже в моём лице будто сам Павел Васильев устремился сюда на Восток. Вновь обрисовалось такое желание: «А если мне туда поехать?» Но самый главный толчок мне дал приезд Владимира Михайловича к нам в Павлодар в 2011 году. Затем он писал, что «бухты и заливы Тихого океана Вас ждут». Я прочитала это, порадовалась про себя, но с сожалением:

ИМЕНА И ДАТЫ

«Да, будут долго ждать. Наверное, не получится». И вот прошло время, а сильные желания имеют свойства сбываться. Надо ждать и мечтать, и работать в этом направлении.

- *Оправдались ли эти Ваши мечты?*

- Мечты, как правило, не совпадают с реальностью, но на этот раз реальность их даже превзошла. Она оказалась гораздо красочнее, интереснее и волшебнее. Две недели в Приморье были просто сказочными. Говорю абсолютно искренне, без прикрас, что такого сентября и волшебного периода в жизни у меня ещё никогда не было.

- *С кем Вы здесь встретились?*

- Мы поехали в Чугуевку, где музей Александра Фадеева – современника Павла Васильева – и где я очень хотела побывать. Мы были в Находке, в Партизанске. Повсюду я рассказывала о Павле Васильеве и видела неподдельный интерес. Встречали меня везде как родного человека. Это, конечно, благодаря моим попугайкам – Эльвире Васильевне Кочетковой и Владимиру Михайловичу Тыцких. Люди говорили мне: «Вы бы больше книг нам привезли». Конечно,

я бы привезла больше книг и просто дарила бы их всем, но, к сожалению, это невозможно – очень уж далеко сюда добираться, нельзя было взять больше определённого веса в самолёт. Но мы договорились, что я пришлю электронные варианты книг, за этим дело не станет.

Встреча с З.С. Мерц в Находке

Замечательные люди проявили самый удивительный интерес к творчеству Павла Васильева, и в такой аудитории очень хотелось о нём рассказывать.

- *Вы нашли отклик в душе у тех, с кем встречались?*

- Да. И это закономерно, потому что нельзя оставаться равнодушным к поэзии Васильева. Хоть какая-то его строчка, но всё равно зацепит, схватит за душу. Могу сказать из своего опыта, что когда отдаёшь – обязательно что-то получаешь взамен. И уже только то, что ты видишь, что это нужно людям, дорогого стоит.

А ещё мне было радостно видеть те же места, что видел Павел Васильев, ту же бухту и дышать тем же морским воздухом, который, думаю, мало изменился за прошедшие годы. Для меня всё это стало толчком к новому развитию. Всё в жизни бывает: иногда кажется, зачем ты это делаешь, кому это надо? И по голове бьют. А когда видишь глаза людей – и павлодарцев, казахстанцев, и приморских любителей книги, – то это, как глоток свежего воздуха, и является хорошим стимулом для дальнейшей работы.

З. С. Мерц в гостях в Партизанске

- *Можно ли сказать, что сейчас идёт новый виток в раскрутке творчества Павла Васильева?*

ИМЕНА И ДАТЫ

- Ну, конечно. Я уже опубликовала статью о Васильеве во Владивостоке, но ещё до того, как побывала здесь. Считаю, что когда изучаешь какого-нибудь поэта, писателя, нужно обязательно побывать там, где бывал он. Я писала это отстранённо – да Васильев, да Владивосток, Тихий океан. А теперь я это всё увидела, я все это почувствовала. Вот такая сопричастность очень важна для исследователя. Фантастическая получилась поездка!

Цель визита – поиск ответов на вопросы

Владимир Тыцких: Мы раздумываем над тем, почему бы во Владивостоке не поставить памятник Павлу Васильеву, если здесь стоит памятник его другу – Осипу Мандельштаму? Почему в Омске есть библиотека имени Павла Васильева, и в Рязани есть такая библиотека, а у нас, кроме мемориальной доски, – ничего нет? Мы гордимся, что первой в России такая мемориальная доска появилась именно у нас на здании бывшего Восточного института. И, тем не менее, почему во Владивостоке пребывание Павла Васильева больше никак не отмечено? В нашем городе были первые публикации шестнадцатилетнего паренька, первые публичные выступления его проходили здесь. Владивосток – город, который дал Павлу Васильеву чувство уверенности в себе как в поэте. В этом городе он познакомился с друзьями Сергея Есенина, в частности, с Рюриком Ивневым, который очень поспособствовал его поэтическому взрослению.

Павел дважды сюда приезжал, и вторая его поездка не ограничивалась собственно территорией города, а мы даже не знаем, где он в Приморье побывал. Его в 1937 году расстреляли, и 20 лет имя оставалось под запретом. А теперь и вовсе ушли люди, которые могли бы что-то прояснить, и многие документы безвозвратно утрачены.

Васильев с Титовым и пешком шли, и поездами добирались на Дальний Восток: ехали по Сибири из Новосибирска, останавливались во всех крупных городах, писали очерки, публиковали стихи. Получали небольшие гонорарчики, чтобы

прокормиться, и двигались дальше. Никто же этого не исследовал – где, сколько, чего оставил Васильев.

Я думаю, было бы нормально, чтобы не только во Владивостоке, но и в том же Омске, Новосибирске, во всех городах, связанных с жизнью и творчеством Васильева, одновременно проводились бы, например, «Васильевские чтения». Мы же отмечаем день рождения Пушкина как День поэзии, а Васильев для нас фигура, сопоставимая по значимости. Сам Пастернак сказал, что Васильев – второй Пушкин. Хотя, на самом деле, он первый Васильев. Жили в разные эпохи, по-разному образованы и воспитаны. А главное, конечно, в том, что любой талант, каждый гений не повторяются и ни на кого не похожи.

Почему в Казахстане изучают творчество Васильева, а у нас даже профессиональные филологи, учителя литературы, закончившие ведущие вузы страны, имени его не ведают? Разве это не цель – изменить такую ситуацию? И если цель поездки к нам Закии Саясатовны вполне достигнута, то цель всей нашей работы вокруг жизни и творчества поэта, о котором пока ещё мало кто знает, – далека от своей реализации. Может быть, это звучит наивно, но мы стремимся сделать так, чтобы Павел Васильев стал, наконец, тем, кем он является на самом деле, чтобы он занял в нашей стране подобающее ему место. Это колоссальная задача!

Кроме поэтических достоинств Павла Васильева, есть у него ещё совершенно необычайная и чрезвычайно важная роль.

Васильев – евразийский поэт, который связывает тюркскую и славянскую культуры. Для нашей страны в настоящее время такая связь – вопрос её жизненных перспектив. Если этот мир опять не соберётся и не поймёт, что отстаивать себя можно

ИМЕНА И ДАТЫ

только совокупно, то ничего хорошего не получится. Слишком много желающих и дальше его расщеплять. Павел Васильев в этом смысле знамя в литературе, в философии, в мировоззрении. Поэзия всегда неразрывна с мировоззрением. «Знамя пантюрокославизма» или «панславянотюркизма», как хотите, мы сегодня должны поднять над страной и её осколками. Без этой скрепы и России, и всем тем, кто был когда-то к ней причастен и живёт сегодня с ней рядышком, двумстам племен-народов, населяющих нашу страну и Казахстан, бывший когда-то тоже её частью, трудно рассчитывать на какое-то победное будущее. Поэтому необходимо исследование судьбы и творчества Васильева как символа единства культур народов России. Он не был политиком, но отдельным большим художникам присуще свойство, когда они, говоря хоть о погоде, хоть о природе, выражают, формулируют смыслы, определяющие жизнь и будущее своего народа. Васильев обладал этим бесценным свойством.

О рамках и ограничениях

- Насколько актуально творчество поэта серебряного века для наших современников?

Людмила Мартемьянова: У нас в программах советскому периоду литературы 20-х годов официально отведено времени всего два часа. Я негласно прихватываю четыре часа. И вот что ж мы хотим за это время о Павле Васильеве узнать? Это возможно только за счёт какого-то внутреннего энтузиазма самого преподавателя, но далеко не у каждого он есть. Есть у меня экскурсия по городу «Улица Пушкинская». Мы идём мимо Восточного института, вот тут я даю информацию и о Васильеве.

На один из конкурсов я готовила тему «Поэты серебряного века во Владивостоке». Их было шесть человек – поэтов, прошедших через Владивосток, каждый из них со своей судьбой. Тема изысканная, интересная, и с художниками, не только с поэтами связанная.

Раньше у нас в училище литература велась до 4-го курса включительно, сегодня она ведётся полтора года. Сейчас пришли школьные учителя, они всё дают по бумажке и лекционно: всё сделано, выверено, каждое слово и предложение. Там никаких бесед нет и быть не может, потому что учитель «загнан» в эти рамки – 26 часов и ни часа больше! О каком Павле Васильеве может идти речь?

Идея-то хорошая, но как расширить наши возможности? Экскурсоводы берут в основном исторические темы для экскурсий, не литературные. Надо, чтобы кто-то брался за литературные темы и за нашу современную поэзию, как она сегодня представлена. Я как-то обращалась с одним вопросом в союз писателей – безрезультатно. И в какой-то степени, я говорю сейчас о самой себе, получается, что пока я «в собственном соку варюсь». Вот есть у меня желание сделать «Малые экскурсии на уроках мировой культуры», я делаю.

Раньше у нас было одно Владивостокское бюро путешествий и экскурсий, там были организаторы, которые работали в школах, можно было подготовить экскурсию или урок-экскурсию, урок-диспут, урок-вернисаж, викторину. Формы же есть разные. И урок-экскурсию я, например, культивирую всё время. Автобусы стали баснословно дорогими, и я перешла на пешеходный вариант и на эти вот малые экскурсии. Павел Васильев у нас в литературную экскурсию включён, но проблема в том, что их никто не заказывает. Раньше работали со школами коллективно-массово, а сейчас, можно сказать, что упал культурный уровень у общества в целом.

Закия Мерц: Человеческий фактор, о котором вы сейчас говорите, это всё очень близко и для нас тоже. У нас в Павлодаре есть музей Павла Васильева, и, казалось бы, приводи детей. Просто приведи, мы расскажем, покажем, у нас много лекций: «Павел Васильев – соляной бунт», «Любовная лирика», «Песня о гибели», «Детские годы» и всё, что хотите. Полный курс лекций о поэте, о котором за один час тоже рассказать невозможно. Есть

ИМЕНА И ДАТЫ

учителя, которые приводят детей, но много и таких, которые даже и не собираются это делать. Гораздо проще им открыть книжку, прочесть две строчки и поставить галочку. И то, что на литературу очень мало отведено часов, – для нас проблема, как и для вас, тоже.

Владимир Тыцких: Мы говорим сейчас о проблемах нашего образования. Гуманитарный блок дисциплин воспитывает человека, душу его формирует. Для нынешнего безвременья совершенно объяснимо, почему вытесняют этот блок и ещё и меняют его содержание. Об этом говорить необходимо, но это тема отдельная. Сейчас разговор о Павле Васильеве в привязке к Владивостоку; о нём как о столповой фигуре для российской культуры и ещё о том, что мы можем сделать, чтобы изменить ситуацию к лучшему. Немного мы уже делаем. В своё время Эльвира Васильевна сделала прекрасный очерк о Павле Васильеве. Мы участвовали два года назад в операции по спасению музея Павла Васильева в Павлодаре. А затем музей Васильева вместе с нами спасал уже наш Фадеевский музей в Чугуевке, столкнувшийся с такой же проблемой. Вот в такое время живём, когда реальность заставляет не столько мечтать о лучшем и большем, сколько заниматься тем, чем, может, и не хочется, но приходится – спасением того, что есть.

А экскурсоводы могли бы сотрудничать с литературно-музыкальной художественной студией «Паруса», которая уже не один год занимается творчеством Павла Васильева.

Творческое значение Васильева

Юрий Кабанков: Открываю сборник Павла Васильева, читаю любимое вами стихотворение «Тройка».

Вот строчки из него:

*«Ресниц декабрьское сиянье
И бабий запах пьяных кож,*

*Ведро серебряного ржанья –
Подставишь к мордам – наберешь.
Но вот сундук в обивке медной
На сани ставят. Веселей!
И чьи-то руки в миг последний
С цепей спускают кобелей.
И коренник, во всю кобенясь,
Под тенью длинного бича,
Выходит в поле, подбоченясь,
Приплясывая и хохоча.
Рванулись. И – деревня сбита,
Пристяжка мечет, а вожак,
Вонзая в быстроту копыта.
Полмира тащит на вожжах!»*

Замечательное по силе своей выразительности стихотворение!

На следующей странице – стих «Лагерь»:

*Под командирами на месте
Крутились лошади волчком,
И в глушь березовых предместий
Автомобиль прошел бочком.
Война гражданская в разгаре,
И в городе нежданный гам, –
Бьют пулеметы на базаре
По пестрым бабам и горшкам.
Красноармейцы меж домами
Бегут и целятся с колен;*

ИМЕНА И ДАТЫ

*Тяжелыми гудя крылами,
Сдалась большая пушка в плен.
Ее, как в ад, за рыло тянут,
Но пушка пятится назад,
А в это время листья вянут
В саду, похожем на закат.
На сеновале под тулупом
Харчевник с пулей в глотке спит,
В его харчевне пар над супом
Тяжелым облаком висит.
И вот солдаты с котелками
В харчевню валяются, как снег,
И пьют веселыми глотками
Похлебку эту у телег.
Войне гражданской не обуза -
И лошадь мертвая в траве,
И рыхлое мяско арбуза,
И кровь на рваном рукаве.
И кто-то уж пошел шататься
По улицам и под хмельком,
Успела девка пошептаться
Под брочкой с рослым латышом.
И гармонист из сил последних
Поет во весь зубастый рот,
И двух в пальто в овраг соседний
Конвой расстреливать ведет.*

Ю. Н. Кабанков

Для меня это стихотворение чем значимо? В нём я вижу синтез, соединение всей поэтики серебряного века: это и поздний Мандельштам, и ранний Заболоцкий. В контексте нашего разговора мы могли начать с того, что Павел Васильев – такая величина, которую надо пропагандировать, постигать мозгами и сердцем и так далее. Но «величина» сама по себе не довлеет. Мы понимаем, что его творчество органично в общем контексте, в общем «бульоне». На это как раз стоит обратить внимание.

Это один эстетический момент. Владимир Тыцких говорил, что Павел Васильев – ещё, условно говоря, некая стяжка между Востоком и Западом. Но, кроме того, какова бы по своей трагичности не была его судьба, он всё-таки «красный поэт». Вопрос поднимался такой, что серебряный век литературы в нашей стране закончился с приходом революции, а продолжался лишь в зарубежье. Ничего подобного! Я, например, своим студентам на вопрос, когда серебряный век заканчивается, отвечаю: «Он никогда не заканчивается». Он только именем может каким-то заканчиваться (для меня это Арсений Тарковский). Павел Васильев, на мой взгляд, абсолютно вписывается в это понятие «серебряного века».

А что касается разделения на «красные» и «белые», то уже в наши времена необходимо всё это примирять не на политической и идеологической платформе, а на эстетической. И, в принципе, Павел Васильев – как раз эта сцепка. И те, кто белые, и те, кто красные, – всё одно, наше, русское.

ИМЕНА И ДАТЫ

Судьба одного народа

Эльвира Кочеткова: Павел Васильев и русское зарубежье, как мне кажется, это дополнение одного другим.

Юрий Кабанков: Естественно, это так и есть. И надо это увидеть.

Владимир Тыцких: Об этом очень чётко сказал во время международной конференции в Харбине зарубежный член Российской академии наук, член Союза писателей России Ли Яньлин. Смысл его речи в том, что была литература социалистического реализма в Советском Союзе, и была зарубежная ветвь русской литературы за пределами родной земли. Обе эти литературы не просто противостояли, но готовы были уничтожить друг друга, к этому откровенно и настойчиво стремились. На самом деле, сказал Ли Яньлин, это одна русская литература, отражающая в произведениях разных литераторов единую народную судьбу. Так получилось, что наш народ – не белый или красный, а белый и красный одновременно, наша история не Москва или Харбин, а Москва и Харбин вместе. В данном контексте Васильев важен, как мало кто другой.

Юрий Николаевич правильно сказал о его «красности», но это не весь Васильев. Чего стоят хотя бы слова о том, что, может, лучшего ребёнка в стране носит в своём животе поповна! Так сказать при гонениях на церковь, при государственном атеизме, который насквозь пронизывал советскую литературу! Неважно, если он делал это неосознанно, без всякой идейно-политической подоплеки. Так проявлялась сила таланта, укорененного в реалиях народной жизни. Васильев столь глубок и многогранен во всех своих проявлениях, что в нём, при его «красности», есть и «белость». Не случайно во времена, когда начали уничтожать казачество, потому что оно, как считал Лев Троцкий, оставалось единственной частью русского народа, сохраняющей способность к национальной самоидентификации, Васильев в Москве заявляет, что он сын казачьего есаула, не будучи таковым на самом деле.

Закля Мерц: У Васильева в «Соляном бунте» есть такая строка: «Некому человека жалеть». Точка. Всё. Видите, человека жалеть – ни «белого» или «красного».

Владимир Тыцких: В этом смысле он переключается с Волошиным, святым в определённом смысле человеком, который и тех, и других считал своими и спасал.

Юрий Кабанков: Да, Волошин был такой – не «или – или», а «и – и». В принципе, это мы сейчас из нашего времени должны понимать, что этот «красный», а этот «белый» – они не враги. А тогда они были враги и должны были идти до конца. А мы сейчас должны понимать, что это единое целое, две половинки одного.

Владимир Тыцких: Мне кажется, в Васильеве это непреодолимое противоречие живо и, как ни странно, органично присутствует. Он одновременно – и тот, и другой.

Юрий Кабанков: Да, но только это, наверное, не противоречие, а живая диалектика. И вместо слов «неосознанно делает», я бы сказал «не рационалистично делает». И нам не обязательно это как-то разбирать, потому что как поэт Васильев воспринимает всё происходящее целиком, не раскладывая это по частям.

Поэт потрясающей метафоры

- Я понимаю, что Васильев – поэт самобытный, а переключается ли его творчество с есенинским?

Владимир Тыцких: Многие ставят Павла Васильева над Есениным. Алексей Толстой сказал: «Этот юноша – гений». Пастернак как-то, когда вышел на сцену после Павла Васильева, признался, что после него ему добавить нечего. Мандельштам объявил, что в России пишут только четверо – Ахматова, он сам, Пастернак и Васильев. О Есенине никто так не говорил. Официальная литературная критика считала Васильева продолжателем Есенина. В васильевском творчестве, особенно раннем, есенинские мотивы слышны, что абсолютно естественно.

ИМЕНА И ДАТЫ

В конце концов, каждый русский поэт как-то перекликается с Кольцовым и Пушкиным.

Сам Васильев обозначил разницу: Есенин «образы по яголке собирал, а мне сытость нужна». Есенин поет свою гениальную песню, песней рассказывая жизнь родины и свою душу. Васильев – рисует. Мир в его стихах как бы материализуется. Иногда насыщенность образности отдаляет писателя от читателя. Слово Васильева погружает нас в живую жизнь – со всеми ее красками, звуками, запахами, с хлопочущими зверями и птицами, с людьми, которые радуются и страдают, вызывая у нас ощущение, что это мы сами радуемся и страдаем.

Юрий Кабанков: У Есенина, скорее, отзывчивость души. А у Павла Васильева – мощная энергетика. У Есенина женского плана восприимчивость, а у Васильева – мужского плана энергия. Изначальная такая разница.

Владимир Тыцких: Это очевидная вещь, очевидные вещи бывает трудно объяснить. Поэзия Васильева, по выражению Мандельштама, растет из почвы и почвой становится. Андрей Кончаловский признаётся, что фильм «Первый учитель» делал благодаря Васильеву, потому что видел Азию, все проблемы и людей через его поэзию. Кончаловский её оценил: «Так сказать невозможно!» С этим солидарны многие знатоки литературы. Невозможно! Для других. А для Павла Васильева – возможно.

Литературные тексты отличаются от художественных тем, что они рассказывают о чём-то или о ком-то, художественные – показывают. Такого «рисовальщика словом», как Васильев, в русской поэзии больше нет. Кажется, землячке поэта Ларисе Мартыновой принадлежит мысль – если бы мы определили единицу измерения поэтической образности, то на первом месте был бы Павел Васильев. Тем, кто не имеет поэтического слуха, доказать это трудно, а то и невозможно. Кому даны вкус и знание предмета, ничего доказывать не надо. Сравнение Васильева с Есениным – не самое лучшее, чем должен заниматься читатель.

Поэтов, может быть, вообще сравнивать нельзя, это не социалистическое соревнование. Но исследователю сравнений не избежать. Чем выше будет его оценка, тем убедительней должна быть аргументация.

Есенина окружали очень мощные крестьянские поэты, которые, как Васильев, все были расстреляны. Один из них – Николай Клюев – назвал Васильева «нечаянной радостью русской поэзии». Поэт из народа мог по-настоящему оценить подлинно народное творчество Васильева.

Павлодар – Владивосток – Москва

Закия Мерц: Родился поэт в Зайсане (восточный Казахстан) на границе с Китаем, первые шаги в жизни сделал в Павлодаре. Первые стихи написал в этом городе. Его первые публикации и публичные выступления состоялись во Владивостоке, и первый оглушительный успех. Он говорил, что здесь им овладела одна страсть – поэзия. Затем – Москва. Он уже окрылённый, поверивший в себя, едет «покорять» Москву. Там же и Рязань, и другие города. Омск – особый для него город: где живут родители и его первая жена. Рязань, где он сидит в тюрьме. Васильев трижды арестован был за свою недолгую жизнь. В Рязани сейчас живёт его дочь – Наталья Павловна.

Новосибирск и «Сибирские огни», где он печатался. Поэт – объединитель – это действительно так. О Казахстане в советской поэзии он заговорил одним из первых. «Шумели Обь, Иртыш и Волга» - великую русскую реку он ставит в один ряд с сибирскими реками. Евразийский поэт Васильев отождествляет себя так: «Я по душе киргиз с раскосыми глазами».

Не думал, что расстреляют

Эльвира Кочеткова: Если бы я была учителем литературы – не побоялась бы и нашла, что подвинуть в школьной программе, лишь бы рассказать о поэте, попытаться поставить его имя на подобающее ему место в ряду других. Прежде всего, имя поэта

ИМЕНА И ДАТЫ

надо укоренить в головах самих учителей. Надо чтобы они не боялись говорить ученикам: Васильев – один из лучших поэтов России в XX веке.

Что же надо знать о Васильеве? Прежде всего, его поэзию. Из поэтического двухтомника можно вынуть с десятков стихотворений, которые являются ударными, знаковыми. Есть такие у любого поэта. Когда-то я писала о Васильеве, а недавно слушала Закию Саясатовну и обратила внимание: она цитирует те же самые стихи, которые я упоминаю в своей публикации. Мы совпали с Закиёй, и также совпадут многие люди, которые чувствуют слово. Не оценить такую поэзию могут только люди со сниженным поэтическим слухом. Они были всегда, но сегодня, к сожалению, их ещё больше.

На мой взгляд, если Россия забудет Васильева, у неё нет никакой духовной и культурной перспективы.

Однажды она уже потеряла своего великого сына в далёкие смутные времена. За что его «взяли»? Сначала за хулиганство, потом «пришили» антисемитизм и, наконец, обвинили в организации покушения на Сталина. Конечно, несколько обвинительных грубых строк в адрес вождя в то время были подобны самоубийству. Он словно лез на рожон, не имея страха, не веря в жестокость времени. Сегодня это удивляет. Он не понимал того времени? Думал, поругают на страницах газет и отпустят? Не верил в заговор «волчьей стаи»? Потом в застенках осознал это. Но было поздно. Успел лишь передать сокамернику: «Запомни... Павел Васильев... поэт... русский...». После пыток и расстрела в Лефортовской тюрьме был похоронен на кладбище Донского монастыря в Москве в могиле невоинственных прахов.

Меня удивляет, что поэт столь высокого дарования до сих пор пребывает в забвении. Кто-то о нём вообще никогда не слышал, кто-то, с высоты собственных строк, считает, что поэт в творчестве не дотянул... Мне же васильевские строки не просто нравятся – потрясают. Каждый раз. Какую тему ни возьми.

Колоссально мощно по силе воздействия переданы темы любви к Родине, близким людям, женщине. Конь – отдельная песня. На эту тему – несколько стихотворений, от которых охватывает дрожь. Природа – живая, говорящая, образная. Более образной поэзии я не знаю. Предметом поэзии у Васильева могло стать всё. Это признак особого таланта.

Мы обязаны нести имя Павла Васильева, пока живы, пока жива Россия. Моя мечта – увидеть памятник великому русскому поэту Павлу Васильеву в моём любимом городе Владивостоке.

